

На самом деле Бай Сяньчэнь никогда не мерился силами с Се Уцзю по-настоящему.

До того как его постыдные чувства выплыли наружу, Се Уцзю никогда не вступал с ним в серьезные стычки. Видя его лень в обучении, учитель лишь читал нравоучения, словно ему было глубоко плевать на любые проступки ученика.

Когда-то Бай Сяньчэнь намеренно пытался влипнуть в неприятности, чтобы разозлить Се Уцзю – в идеале заставить его проявлять к себе больше внимания.

Было бы еще лучше, если бы Се Уцзю решился поднять на него руку: тогда Бай Сяньчэнь просто прикинулся бы дурачком и «присел бы учителю на уши».

Он был словно коллекционером эмоций Се Уцзю, страстно желая пробудить в нем хоть какой-то отклик. Он жаждал ярких красок, но Се Уцзю всегда оставался невыносимо спокойным.

Ситуация изменилась только тогда, когда Се Уцзю осознал его предосудительные намерения.

И эти перемены разозлили Бай Сяньчэня еще больше.

Се Уцзю начал применять силу, но его самым частым приемом было простое «оттолкнуть». Ледяной ветер, несущий снег и иней, обрушивался на Бай Сяньчэня, и тот в мгновение ока оказывался отброшен прочь.

То, как Се Уцзю шарахался от него, словно от чумы, вызывало у Бай Сяньчэня и злость, и смех одновременно.

Прежде чем решиться пасть во тьму ради выполнения задания, Бай Сяньчэнь несколько дней выслеживал Се Уцзю, чтобы поговорить.

К тому времени слухи о его подозрительно близких отношениях с Чжун Чжуном, младшим принцем Мира Демонов, уже разлетелись повсюду. Старейшины секты и близкие братья-ученики очень беспокоились о нем, пытаясь вывести правду и намеками уговаривая не сворачивать на кривую дорожку.

И только Се Уцзю с самого начала ни о чем не спрашивал.

Выследив Се Уцзю, Бай Сяньчэнь сам подошел к нему и заявил:

— Слухи правдивы. У нас с Чжун Чжуном особая связь, и ради него я стану демоном. Я собираюсь стать плохим человеком.

В кои-то веки Се Уцзю не стал его отталкивать. Он просто смотрел на него с бесстрастным лицом, словно с трудом переваривая эти нелепые слова.

Бай Сяньчэнь продолжил:

— Но... если тебя это огорчит, я не стану демоном. Останусь хорошим. Пусть всё будет как прежде, ладно? В этот раз я буду послушным, честно.

Бай Сяньчэнь считал, что идет на огромную жертву и уступку.

Если не следовать удобным инструкциям Системы, ему придется приложить куда больше усилий и найти другие способы выполнить задание. К тому же он всего лишь требовал от Се Уцзю восстановить их прежние отношения учителя и ученика – он даже не смел просить о

большем.

Но затянувшееся молчание Се Уцзю заставило его сердце похолодеть.

Он почувствовал себя невыносимо обиженным:

— Я ведь просто люблю тебя. Всего лишь один раз поцеловал, неужели из-за этого нужно так себя вести? Когда ты спал со мной рядом, ты не говорил, что целовать нельзя! И вообще, ты же мой учитель, ну поцеловал я тебя, и что такого? В чем моя вина? Если уж на то пошло, это твоя проблема – зачем притворялся спящим? Если бы ты действительно спал, ничего бы этого не случилось!

Се Уцзю слегка нахмурился, словно от головной боли:

— Как бы ты ни извращал истину, то, что между нами – изначально ошибка.

Бай Сяньчэнь обиделся еще сильнее:

— Зачем снова говорить такие резкие слова? Если бы это «изначально» было ошибкой, небо бы разверзлось и нас обоих убило громом сразу после поцелуя. Если это и впрямь недопустимо, я клянусь, что больше не буду тебя целовать, идет?

Бай Сяньчэнь лишь на словах был легкомысленным, на деле же он заранее продумал каждый свой шаг.

«Алчность, гнев, невежество, гордыня и сомнение» – пять ядов человеческой души, из которых рождаются семь чувств и шесть желаний.

Обычному человеку крайне трудно идти по Пути Бесстрастия, потому что невозможно полностью искоренить эти пять ядов, а значит, трудно избавиться от страстей.

Человеческая натура нестабильна и не проходит испытаний временем, но растению, которое развилось до человеческого облика, постичь Путь Бесстрастия куда проще. Оно не знает человеческой природы – лишь облачено в человеческую плоть и одежды, оставаясь пустым внутри.

Великий Мастер заранее заложил в него догматы Пути Бесстрастия, а Бай Сяньчэнь искал лазейки, стараясь привить Се Уцзю те самые яды человечности, которые тот никогда не пробовал.

Он по крупитцам засеивал семена пяти ядов в сердце Се Уцзю, заставляя его познать любовь и ненависть. Бай Сяньчэнь верил, что со временем эта коррозия неизбежно разрушит его Путь Бесстрастия.

Однако он недооценил чуткость Се Уцзю, который всё же был растением.

И недооценил его верность избранному пути.

Видя, что Се Уцзю остается непреклонен, Бай Сяньчэнь тихо спросил:

— Ты презираешь меня. На самом деле ты давно ждешь, когда я уберусь отсюда, верно?

Дыхание Се Уцзю замерло. Казалось, он долго сдерживался, прежде чем ответить:

— Не нужно меня провоцировать. Я знаю, чего ты добиваешься. Мой путь – бесстрашие, я давно оборвал все нити чувств и в этой жизни не допущу иных помыслов. То, что я плохо тебя воспитал – моя вина. Если хочешь уйти, я не стану тебя держать.

Бай Сяньчэнь, как и раньше, взял холодную руку Се Уцзю в свою и с глубокой печалью спросил:

— Неужели полюбить меня для тебя так сложно? Настолько сложно, что ты скорее откажешься от меня, чем притворишься дураком, чтобы меня порадовать?

Се Уцзю понимал, что в споре ему не переиграть Бай Сяньчэня. Он наконец перестал читать мораль и, глядя в упрямые, вызывающие и одновременно хрупкие, полные боли глаза ученика, прикрыл веки:

— Не пытайся меня шантажировать. Чжун Чжун – дурной человек. Если уж действительно решишь уйти, не нужно с горя бросаться в омут и якшаться с ним.

Бай Сяньчэнь молча вцепился в пальцы Се Уцзю.

— Если не хочешь уходить, — продолжал Се Уцзю, — можешь попроситься в ученики к кому-то из других старейшин, и тогда...

— Я именно что шантажирую тебя, — перебил его Бай Сяньчэнь. — Твои проповеди мне надоели. В общем, так: либо ты прикидываешься дураком, и мы возвращаемся к тому, как всё было; либо я ухожу и навсегда исчезаю с твоих глаз.

Выслушав условие, Се Уцзю долго молчал, а затем рука, которую Бай Сяньчэнь сжимал в своей, внезапно дернулась. Бай Сяньчэнь не ожидал такого рывка и, пошатнувшись, оказался вплотную к Се Уцзю.

— Я могу притвориться дураком. Но взамен я требую, чтобы ты отныне не смел покидать Пик Снежной Бумаги ни на шаг и прекратил всякое общение с Чжун Чжуном. На что из этого ты готов?

Голос Се Уцзю звучал неспешно, его слова падали в ночную тишину, обдавая Бай Сяньчэня прохладой, от которой по спине пробежал холодок.

Не общаться с Чжун Чжуном – это ладно, но не покидать пик ни на шаг? Что за чушь?

Бай Сяньчэнь пока не мог на это пойти и считал такую сделку невыгодной. Ему показалось, что Се Уцзю нарочно ставит невыполнимые условия:

— Если согласишься на мне жениться, я, может, и приму твои правила. А так – ты всего лишь мой учитель, я с тебя даже выгоды никакой не имею, с какой стати тебе решать мою судьбу? Хочешь, чтобы лошадка бежала, но кормить ее не собираешься? Раскатал губу!

На этом переговоры окончательно зашли в тупик.

Се Уцзю снова оттолкнул Бай Сяньчэня ледяным ветром:

— Тогда делай как сказал. И с глаз моих долой.

Раньше после такого Бай Сяньчэнь уходил, поджав хвост, но в ту ночь он вопреки обыкновению бросился вдогонку:

— Эй! Перед уходом давай сразимся! Мне станет легче, только если я тебя побью!

Конечно, такое нелепое требование не могло тронуть Се Уцзю.

Да и Бай Сяньчэнь не собирался драться всерьез – он просто хотел под шумок выманить объятие на память и уйти.

Но стоило его ладони потянуться к плечу Се Уцзю, как тот резко обернулся и нанес удар ладонью. Взмах широкого рукава – и влага в воздухе мгновенно застыла, превратившись в ледяные шипы, летящие прямо в Бай Сяньчэня.

Бай Сяньчэнь не стал уворачиваться.

Он принял удар на себя, но Се Уцзю даже не оглянулся.

Бай Сяньчэнь впервые по-настоящему получил от учителя. Он покинул секту со свежими ранами. Когда Чжун Чжун увидел, как он с мрачным видом обрабатывает повреждения, он не посмел расспрашивать, лишь тихо пробормотал:

— Ты что, не смог одолеть Се Уцзю?

— Не знаю, — отрывисто бросил Бай Сяньчэнь.

— О. — Чжун Чжун кивнул. — Не беда. Потренируйся еще. Вот когда станешь великим злодеем и прославишься своими бесчинствами на весь мир, он сам придет вершить правосудие. Тогда и узнаете, кто из вас сильнее.

Бай Сяньчэню очень хотелось пристукнуть Чжун Чжуна за его неумение вовремя заткнуться.

Впрочем, в чем-то тот был прав.

По сценарию Системы, жизненный путь Чжун Чжуна, главного героя, был предопределен: сначала он – никчемный и презираемый всеми бедолага; затем в нем рождается злоба, он сеет хаос и становится Великим Демоном; перед совершением непоправимого он встречает свою «белую луну» — возлюбленного, чья смерть из-за его демонической природы заставляет его прозреть. Он раскаивается, встает на путь исправления и становится всеми почитаемым святым мудрецом с невероятной силой, творящим добро и поддерживающим справедливость.

Система вознамерилась лично сотворить бога для этого мира.

Чжун Чжун уже миновал период никчемности, и Бай Сяньчэнь должен был помочь ему стать Великим Демоном.

История была банальной и местами спорной: по задумке Системы, Чжун Чжун не мог быть истинно порочным – всё его зло должно было совершаться по чьей-то указке, а самые грязные дела и вовсе ложились на плечи Бай Сяньчэня.

Творя одно злодейство за другим, Бай Сяньчэнь рано или поздно напросился бы на смертельную порку от своего бывшего учителя, некогда «спасителя мира».

Чтобы не выглядеть в тот день слишком жалко, Бай Сяньчэнь после падения во тьму тренировался с удвоенным усердием.

Ему всегда было любопытно, чье боевое мастерство выше – его или Се Уцзю.

Но он не дождался дня истины, бросив задание. Позже, в приступе безумной «принудительной любви» к Се Уцзю, он не пожалел лишь материалов на удерживавшие Се Уцзю кандалы, а во всём остальном и пальцем не смел его тронуть.

Он и подумать не мог, что ему представится шанс побить Се Уцзю.

Пусть это был ненастоящий Се Уцзю, но всё же – «Се Уцзю».

Бай Сяньчэнь взмахнул мечом, переданным Линь Цзином. Пламя, подобно яростному огненному дракону, сорвалось с клинка; волна жара, сметая всё на своем пути, обрушилась на Се Уцзю.

Ху Цин и Линь Цзин, забившись за дерево, в ужасе прижались друг к другу. Им было страшно даже смотреть – в их головах уже рисовались жуткие картины того, как «Се Уцзю» подавляет это пламя, хватая Бай Сяньчэня и прикончит их троих разом.

Но случилось нечто еще более пугающее.

Там, где стояли Ху Цин и Линь Цзин, внезапно упали два скелета. Друзья, прикрыв головы, отпрянули, а когда обернулись – скелеты, как и недавний «старейшина», начали стремительно обрастать плотью. Когда их обличия проявились, Ху Цин и Линь Цзин чуть не ослепли.

Еще два «Се Уцзю»?!

Они в оцепенении повернулись в сторону Бай Сяньчэня.

Настоящий Се Уцзю не стал уклоняться от атаки. Он принял ее в открытую; сила пламени заставила его пошатнуться, изо рта потекла кровь, а по шее расползлись обширные ожоги. Бай Сяньчэня на миг кольнула боль в глазах от этого зрелища. Осознав, что он ударил настоящего Се Уцзю, Бай Сяньчэнь понял: дело плохо, пора делать ноги.

Но Се Уцзю не остался стоять на месте. С трудом выпрямившись, он воздел руку: из его ладони вырвался рой ледяных игл, устремившихся в погоню за Бай Сяньчэнем.

Услышав свист льда, Бай Сяньчэнь приготовился к жестокой трепке. Однако иглы, сплетясь воедино, образовали подобие гигантской руки. Весь этот морозный шквал предназначался лишь для одного – затащить его обратно.

Спина Бай Сяньчэня с силой врезалась в грудь Се Уцзю.

Его мысли путались, он инстинктивно дернулся, пытаясь вырваться, но рука Се Уцзю железной хваткой вцепилась в его талию, намертво пригвоздив его к себе.

— Опасно, не беги, — предупредил Се Уцзю, не разжимая объятий. Он лишь повернул голову в сторону Ху Цина и Линь Цзина, на которых уже замахивались ладонями двое других «Се Уцзю».

До тех тоже наконец дошло.

Линь Цзин хлопнул себя по лбу и, схватив Ху Цина, припустил во все лопатки:

— Ошибочка вышла! Тот, который не дерется – настоящий глава секты! Глава, простите! Спасите-помогите-е-е!

Однако Се Уцзю не собирался вступать в бой со своими копиями. Удерживая ошарашенного Бай Сяньчэня, он полуволок-полунес его в сторону леса. Ху Цин и Линь Цзин поспешили следом.

Се Уцзю нанес удар ладонью назад, и оба скелета, преследовавших их, повалились на землю, не в силах больше подняться.

Когда опасность миновала, Линь Цзин, задыхаясь, спросил:

— Глава секты, как нам отсюда выбраться?

— Нужно срубить то гигантское дерево, — не стал скрывать Се Уцзю.

Но там, у дерева, остались еще два «Се Уцзю».

— Значит, мы застряли здесь навсегда? — всхлипнул Линь Цзин.

— Выйти можно, — ответил Се Уцзю. — Но сначала нужно убить ту тварь, что заманила вас сюда.

Раз уж монстр осмелился в открытую похитить учеников секты Нефритового Небосвода, Се Уцзю был намерен вырвать проблему с корнем.

Линь Цзин, вспомнив рассказы Ху Цина о «питоне», честно признался:

— А мы вам мешать не будем? Может, мы лучше здесь подождем?

Се Уцзю кивнул, одобряя этот план.

Линь Цзин осторожно указал пальцем на того, кого глава секты прижимал к себе:

— А он?

Поначалу Линь Цзин сильно в нем сомневался, но когда «старейшина Громовой Молот» едва не разmozжил ему голову, Бай Сяньчэнь, не колеблясь, отразил удар, а потом велел ему бежать, оставшись один на один с врагом.

Помня об этом спасении, Линь Цзин не мог просто бросить товарища в беде и, пересилив страх, пролепетал:

— Он... он ведь не нарочно вас ранил... Это всё недоразумение, это моя вина.

Бай Сяньчэнь, пребывавший в ступоре, наконец пришел в себя и закивал:

— Недоразумение, точно... Его вина.

Как только эти слова сорвались с его губ, рука, сжимавшая его талию, наконец разжалась.

Бай Сяньчэнь пулей отскочил за спину Линь Цзина. Его страх перед Се Уцзю был настолько очевиден, что Линь Цзин, словно играя в «коршуна и наседку», развел руки, защищая Бай Сяньчэня.

— Глава секты... Мы... мы подождем вас здесь... — заикаясь, проговорил Линь Цзин.

Опасаясь, что Се Уцзю передумает и решит с ним по квитаться, Бай Сяньчэнь мертвой хваткой вцепился в подол одежды Линь Цзина. Они прижались друг к другу так тесно, что казалось, Бай Сяньчэнь вот-вот залезет другу на спину.

Поскольку он стоял, низко опустив голову и притворяясь тихим воробушком, только Линь Цзин и Ху Цин ясно увидели, как лицо всегда бесстрастного главы секты помрачнело, а уголки губ дернулись в подобии усмешки – то ли от злости, то ли от абсурдности ситуации.

«Мамочки. Это настоящий глава или нет?»

Ху Цин вздрогнул и, поддавшись ужасу окружающего места, инстинктивно прижался к Линь Цзину.

У Бай Сяньчэня появилась еще одна опора: левой рукой он держал Линь Цзина за подол, правой – сжимал рукав Ху Цина. Всем своим видом он выражал решимость: «Если хочешь меня убить, придется прикончить всех троих!»

Они замерли устойчивым треугольником.

Се Уцзю молча взирал на эту дрожащую троицу, сбившуюся в кучу ради тепла и поддержки.

Стоило ему сделать шаг, как они синхронно содрогнулись.

Линь Цзин и Ху Цин явно еще не понимали, как себя вести, и Се Уцзю решил, как ему казалось, дружелюбно подсказать:

— Отойдите.

<http://bllate.org/book/19453/1908660>